

Хабибулина Лилия Фязовна

**РОМАНТИЧЕСКОЕ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЛОВЕКА:
ЭКСПЛИКАЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ
СУЩНОСТИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Казань – 2010

Диссертация выполнена на кафедре культурологии и философии Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств»

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
Меньчиков Геннадий Павлович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Гизатов Казбек Тазиевич

кандидат философских наук, доцент
Герасимова Марианна Юрьевна

Ведущая организация:

Самарский государственный университет

Защита состоится 19» сентября 2010 года в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д 210.005.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 420095, г. Казань, Оренбургский тракт, 3, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного университета культуры и искусств.

Электронная версия автореферата размещена 18» сентября 2010 г. на официальном сайте Казанского университета культуры и искусств.
Режим доступа: <http://www.kasguki.ru>

Автореферат разослан 18» сентября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

Бажанова Р.К.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000728492

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Активное изучение сущности романтического с научных позиций сопряжено с рядом обстоятельств. *Во-первых*, с постижением человека, поскольку его природа, происхождение и сущность не идентичны. Если по природе человек есть био-социальное существо, то по сущности – он другой, это уже, так или иначе культурное существо, объект-субъект культуры. И в этом плане факты, жизненный мир человека показывают, что он не может обойтись без того, что называют «романтическим». Спасая романтическое, возвращая его онтологическое содержание, спасается жизнь, человек для жизни. Но что такое романтическое? Чувствовать, что романтическое – это вечное недовольство настоящим – необходимо, но этого недостаточно. Поэтому осмысление романтического на философско-культурологическом уровне становится особенно важным.

Во-вторых, актуальность изучения романтического в духовной культуре человека усиливается в связи с глобальными переменами, происходящими у человечества и с человечеством. Как ни парадоксально, в нашу переходную, казалось бы, прагматичную эпоху роль романтического в бытии человека усиливается и приобретает все новые формы проявления и значения. Кроме того, обострение конфликта между личностью и действительностью приводит к возникновению определенных амбивалентных эмоциональных состояний человека. В такие моменты освобождение личности приводит к усилению экстравагантного индивидуализма, который или изменяет напряженную действительность, или уводит в мир своих переживаний и грез. В связи с этими тенденциями постижение тайны романтического становится жизненно необходимым, поскольку романтическое может выполнять при этом разные функции, подчас онтологически просто противоречивые. Их многообразие требует своего изучения.

В-третьих, актуальность обращения к романтическому в духовной культуре человека обусловлена тем обстоятельством, что на сегодняшний день нет сколько-нибудь ясного понимания философско-экзистенциальной сущности этого феномена. По сравнению с искусством наука мало обращает на него специальное внимание. Между тем разнообразие терминов породило немало путаницы, предубеждений и главное, на наш взгляд, онтологической недооценки романтического в жизни. По нашему мнению, неопределенность понимания романтического не случайна. Причина этому – многообразие в нем контекстов, а также пересечение таких понятий, как романтика, мечта,

фантазия, воображение. Эти понятия, как показывает исследование, дополняют, обогащают романтическое, но возникает «сваливание» романтического в неопределенное явление. При попытке охватить все более широкий круг дефиниций, смысл романтического, как феномена, все более затуманивается, оборачивается общим местом. В этой связи необходимо пересмотреть и уточнить смысловые оттенки понятий: романтика, мечта, фантазия, воображение, поскольку без определения семантического поля романтического, сложно выявить его философско-экзистенциальную сущность.

В-четвертых, современная ситуация требует объяснения и выяснения сущности романтического еще и потому, что сегодня за него часто выдается антиромантическое и псевдоромантическое в виде пустой мечтательности, утопизма, симулякров. С одной стороны, романтическое оказывается притягательной стратегией поведения людей, так как оно представляет еще и способ утверждения своей неповторимости. С другой стороны, романтическое предстает как самый простой способ тотального омассовления общества, при котором за него выдается нечто суррогатное и кажущееся романтическим. Проблема в том, что роль и значение романтического в жизни человечества и человека и его целостное философско-культурологическое осмысление не совпадают. Люди начинают избегать романтического, стремятся его разрушить. Следовательно, становится актуальным вопрос его оправдания и защиты, возникает аспект его охранения в природе человека и человечества.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение темы романтического показывает, что общий интерес к нему наиболее активен лишь в последние два столетия, хотя некоторые его грани и смыслы мы найдем и в трудах древних. Среди философов, критиков, писателей, положивших свой «камень» в общий фундамент темы романтического, можно назвать В. Белинского, А. Блока, Э. Висконти, Р. Гайма, Г. Гегеля, Г. Гейне, А. Герцена, М. Горького, А. Григорьева, А. Жуссена, Н. Котляревского, В. Ленина, А. Луначарского, Л. Мегрона, Л. Уланда, И. Фихте. Исследование романтического велось в различных областях знания, однако интерес был чаще вызван вниманием к нему не как ко всеобщему феномену бытия духа человека, а сводился скорее к романтизму, в котором романтическое проявилось наиболее ярко. Существуют два подхода к изучению романтизма: «исторический» и «типологический». Согласно первому, романтизм есть течение в искусстве, ограниченное временными рамками конца XVIII – начала XIX вв. Согласно второй точке зрения, романтизм – явление в судожествовании культуры, не ограниченное историей.

Исследовательскую литературу, посвященную изучению романтического можно обобщить следующим образом: исследования, освещающие проблемы «историко-национального романтизма» в области философии, эстетики, литературы, живописи, музыки конца XVIII – начала XIX века¹; исследования, посвященные изучению романтизма как явления типологического, внеисторического² с различными точками зрения на романтизм как на тип, стиль творчества³, направление в искусстве⁴; исследования, значимые с точки зрения понимания важности изучения романтического, как самостоятельной категории, в которых отмечено, что романтическое, поставленное в один ряд с такими эстетическими понятиями, как возвышенное, героическое, трагическое, юмористическое, сатирическое, не нашло своей ниши и остается дискриминированным⁵; диссертационные исследования, характеризующие проявления романтического в какой-либо отдельной сфере духовной жизни⁶, среди которых вызывает особый интерес работа М.Н. Шеметовой⁷, в которой автор делает попытку соотнесения между собой понятий «романтического» и «романтизма», а также вводит понятие «романтической константы», на наш взгляд, очень точно передающее смысл постоянства и вневременности романтического; 5. исследования зарубежных авторов, среди которых следует выделить работы, имеющие непосредственное отношение к теме нашей диссертации⁸.

¹ См.: Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л., 1973; Бэла И.Ф. Исторические судьбы романтизма и музыка. – М., 1985; Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. – М., 1978; Грешных В.И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. – Л., 1991; Гуревич А.М. Романтизм в русской литературе. – М., 1980; Дмитриев, А.С. Проблемы йенского романтизма. – М., 1975; Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. Проблемы эстетики. – М., 1978; Карельский А.В. Драма немецкого романтизма. – М., 1992; Карташова И.В. Этюды о романтизме. – Тверь, 2002; Тураев С.В. От просвещения к романтизму. – М., 1983; Турчин В.С. Эпоха романтизма в России. – М., 1981.

² Волков И.Ф. Творческие методы и художественные системы. – М., 1989; Гаджиев А. Романтизм как явление типологическое // Вопросы романтизма. Вып. 5. – Казань, 1972; Кремлев Ю. Прошлое и будущее романтизма. – М., 1968.

³ Тимофеев Л.И. О понятии художественного метода // Творческий метод. – М., 1960; Гуляев Н.А. Художественный метод, направление, стиль // История литературы в связи с проблемами эстетики. – М., 1970.

⁴ См.: Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М., 1966.

⁵ Дубровина И.М. Романтика в искусстве. – М., 1967; Ее же. Романтика в художественном произведении. – М., 1976.

⁶ См.: Аркан Ю.Л. Консервативно-романтическая тенденция в немецкой социальной философии и философии культуры. Дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2004; Дашкевич Н.Г. Романтическая эмоция в русской художественной культуре. Опыт пробл. исслед.: Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1998; Милиев В.А. Немецкий романтизм и формирование консервативной идеи. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Мурманск, 2006; Садунова Н.В. Философия любви немецкого романтизма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тверь, 2009; Чеснокова Н.Н. Русский романтизм в контексте общеевропейской культуры: проблемы методологии исследования: Дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 1997; Шевчук М.А. Романтическое начало в культуре и в русской музыке первой половины XIX века: Дис. ... канд. культ. наук. – Нижневартовск, 2002.

⁷ Шеметова М.Н. Романтическая константа в истории художественной культуры: Дис. ... канд. культ. наук. – СПб., 2000.

⁸ См.: Тарнас Р. История западного мышления. – М., 1995. – 448 с.; Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997. – 880 с.

Нет сомнения в том, что каждый исследователь пытается прояснить суть явления, предлагая свое видение, поскольку речь идет о феномене, обнаруживающем себя в различных сферах духовной культуры. Однако, несмотря на достаточность научной литературы, *основное противоречие* заключено в том, что до сих пор романтическое исследуется односторонне, в виде романтизма как направления культурно-исторической эпохи, школы, стиля, творческого метода, художественной системы или типа мировоззрения. При такой постановке вопроса романтическое не рассматривается как вневременной феномен особой активности духа человека в его духовно-душевном и психологическом аспекте. Трудно не согласиться с мнением В.В. Налимова, который, считая романтику одной из серьезнейших потребностей человека, объяснял причину недостаточного интереса науки к ней тем, что «психологи не хотят её изучать, поскольку здесь рассматривается явление не столько личностное, сколько социальное. Социологам эта тема чужда, поскольку она опирается на глубинную природу человека, оставшуюся ещё малоизученной»⁹. И хотя на сегодняшний день уже встречаются фундаментальные научные работы, посвященные постижению природы и сущности человека, тема романтики и романтического ещё не раскрыта во всём своём широком спектре проявлений в духовной культуре человека. Тем не менее, все вышеназванные работы, затрагивая частные и более общие проблемы романтизма, в приращении понимания романтического дают возможность приблизиться к определению его философско-экзистенциальной сущности. В частности, они наводят на мысль о существовании некой духовной субстанции, способной в различных социокультурных обстоятельствах проявлять себя вновь и вновь в особом романтическом мировосприятии человека.

Проблемная ситуация здесь состоит в том, что феномен романтического требует сегодня сущностного понимания и осмысления на философско-культурологическом уровне. Кроме того, ощущается потребность в онтологическом раскрытии феномена романтического, необходимости определения его статуса. В рамках сложившейся проблемной ситуации сформулирована **рабочая гипотеза**, предполагающая, что романтическое присутствует на протяжении всей человеческой истории, его онтологическое проникает в ткань любой человеческой деятельности, без романтического в своей исконной сущности человек не может исполниться в качестве человека.

⁹ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М., 1993. – С. 137.

Объектом исследования диссертационной работы является романтическое как явление духовной культуры человека.

Предметом исследования является онтос существования романтического как явления духовной культуры человека и человеческого духа в целом.

Основная **цель** диссертации состоит в том, чтобы, исследовав возникновение и трансформацию романтических метаморфоз в историко-философском и современном анализе, раскрыть неоклассическое содержание философско-экзистенциальной сущности романтического.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить возникновение, трансформацию и приращение в понимании романтического в духовной культуре человека разных исторических эпох;
- определить семантическое поле романтического через соотношение понятий: романтика, мечта, фантазия, воображение;
- выявить, разработать и систематизировать конструктивные и деструктивные функции романтического;
- сопоставить особенности функционирования романтического в механизме научного и художественного творчества;
- выделить «мессианские» формы бытия романтического;
- обосновать статусное значение романтического в экзистенции человека.

Методологические и теоретические основания исследования. В работе применены исторический и логический методы в их единстве, позволившие раскрыть динамику и сущность феномена романтического во всем его противоречивом спектре функций в мире духовной культуры. Комплексный подход сориентировал на междисциплинарное изучение романтического, помог скооперировать усилия нескольких специальных дисциплин к изучению объекта, позволил систематизировать панораму многообразных форм проживания романтического. Поскольку исследователь данной темы имеет дело с различными оттенками бытия романтического, метафорами, метаморфозами смыслов, с необходимостью применён герменевтический подход.

Работа опирается на ряд принципов, среди которых для нас были важны: принцип детерминизма, позволяющий выявить онтологические основания существования романтического; принцип компаративности, помогающий обнаружить общее и особенное в романтическом на разных этапах истории, в разных сферах духовной культуры человека; принцип генерализации, при котором анализ различных взглядов и точек зрения завершается синтезом и позволяет достичь своего решения, при котором

иные взгляды возможны как частные случаи; принцип дополнительности, проявивший себя в экзистенциалистском взгляде на феномен, позволил исследовать романтическое как сложное пограничное переживание человеческого существа. Теоретическую базу исследования составили философские, философско-эстетические труды Г.Гегеля, П.П. Гайденко, К.Т. Гизатова, В.М. Жирмунского, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, В.В. Налимова, Е.В.Синцова, Э.Фромма, В.Франкла, Т.М.Шатуновой, М.Шелера; работы теоретиков философии культуры: В.С. Библера, М.С. Кагана, В.А. Конева, А.В. Михайлова, Е.Л. Фейнберга и других.

На защиту выносятся следующие положения:

- романтическое – не эпифеномен, а событие особого рода, онтологически существующий феномен духовной реальности человека, с необходимостью и подчас противоречиво проявляющийся на разных этапах истории, в различных формах, восполняющий недостаток или излишество социального;
- романтическое – не роскошь и не излишество, будучи конечным существом, без романтического человек не может вырваться в мир бесконечно-вечного, выйти к смыслам бытия и своего существования в бытии, не может исполниться в качестве человека, превращаясь в функцию;
- романтическое онтологично, латентно влияет на всё бытие человека, выступая каналом проникновения вечности в повседневную жизнь;
- романтическое – способ достижения человеком свободы, желание вырваться за пределы очерчивающих и ограничивающих социокультурных рамок и возможность включиться в их расширение;
- подлинная сущность романтического проявляется в целом спектре конструктивных и деструктивных функций, которые необходимо уметь различать между собой;
- романтическое – одна из мощных мотиваций смысла жизни человеческого существа, поведения, поступков человека, следовательно, требующая особого способа его облагораживания, охранения и самостоятельного осмысления в духовной культуре человека.

Научная новизна диссертационного исследования:

- романтическое интерпретировано как бытийствующий «вечный» феномен, исследованный автором по вертикали – в культурно-историческом аспекте, по горизонтали – в сущностно-структурном;
- проведен комплексный философско-культурологический анализ романтического, выявивший точки роста его реального бытия и его понимания в духовной культуре человечества;
- впервые предпринята попытка выяснить философско-экзистенциальную сущность романтического, представляющего собой сердцевину интуиции

культуры, канал проникновения вечности в повседневную жизнь невечного человека;

- выявлены конструктивные и деструктивные функции романтического, обусловленные несовпадением конечности-невечности человеческого бытия с бесконечностью-вечностью мироздания;

- впервые эксплицировано неоклассическое понимание романтического как феномена, проявляющегося в бытии человека на онтологическом уровне.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что романтическое не рассматривалось ранее на философско-культурологическом уровне как системный, вневременной феномен. Предлагаемый в исследовании подход способствует углублению представлений о человеке как о существе духовно-душевно-телесном, надприродном, загадочность которого всегда определяется неким желанием чего-нибудь непредопределённого и недоопределённого, которое, оказывается, объективно существует в микрокосме человека. Разрабатываемая в диссертации концепция неоклассического понимания романтического в духовной культуре человека позволяет по-новому взглянуть на роль и влияние неосознаваемых душевных процессов в духе человека на бытие человека и общества в целом. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов, пособий по дисциплинам: философии, философии культуры; культурологии; мировой художественной культуре. Материалы работы могут быть включены в содержание спецкурсов по проблемам творчества человека.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации обсуждались на международной научно-практической конференции «Проблемы развития современного общества: экономика, социология, философия, право» – Саратов, 22 марта 2010 года; на международной научной конференции «Культура мира как духовный ресурс развития региона» – Казань, 4 апреля 2008 года; на региональной межвузовской научно-практической конференции «Культура мира и молодежь в контексте вызовов XXI века» – Набережные Челны, 16 ноября 2006 года. Отдельные положения и выводы исследования были доложены на аспирантских чтениях «Молодежь, наука, культура: исследования и инновации» – 2006 г., «Молодежь – наука – культура: прогностическая парадигма» – 2007 г., а также применялись в практике преподавания истории философии и искусства. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии, философии и социологии Казанского государственного университета культуры и искусств.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень её научной разработанности, формулируется проблема, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи работы, излагаются методологические и теоретические основания диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость исследования.

В **первой главе «Историко-философский экскурс романтического как явления духовной культуры человека»** обосновывается необходимость анализа бытия романтического и его понимания в различные культурно-исторические эпохи. Выявляются объективные причины наличия или отсутствия романтического в духовной культуре человека. Романтическое рассматривается как явление, объективно существующее в бытии человека и проявляющее свою уникальную сущность различно и подчас противоречиво.

В **первом параграфе «Романтическое «доромантического» периода»** прослеживается возникновение и трансформация романтического с Древности по Новое время до эпохи романтизма (культурно-исторической эпохи конца XVIII первой половины XIX века). Выявляются особенности его проявлений.

«Зачатки» романтического стали заметны ещё на заре становления человеческого духа. Уже тогда в виде *бытовой романтики* романтическое хорошо поработало, помогая человеку древности придумать свою концепцию мироустройства. В первых мифологических попытках древнего человека постичь смысл бытия, в наскальных рисунках, заклинаниях и ритуальных обрядах, проявляясь на уровне коллективной фантазии, романтическое универсально объясняет мироздание. Мифы стали своеобразным выражением неразвитых пока форм метафизических понятий. Их возникновение закономерно и объяснимо, в игре романтического уже просматривается стремление зачем-то выйти за пределы утилитарного, сиюминутного, замкнутого в желаемый избыточный мир. Романтические всплески души, зародыши романтических интуиций, эмоций можно также наблюдать в многочисленных наскальных рисунках, в функции которых

неосознаваемо уже входило не только утилитарное желание повлиять на исход охоты.

Преломляясь в античном мировосприятии, романтическое несколько уходит в тень. Преобладание в античном мировосприятии общего и абсолютного начала не позволяет раскрыться в полном объёме всему внутреннему, подспудному, романтическому. Внутренний мир, Я – эти вещи, ещё не знакомы человеку древности, субъективность в духовном смысле ещё не имеет бесконечной ценности. К романтике и осмыслению романтического не располагало и язычество с его тягой к конечному в бытии. Желание чего-либо непредопределённого, романтического стало возникать несколько позже, со времени угасания независимых полисов. В дерзании и борьбе проявляется человеческая индивидуальность, обусловив зарождение *гносеологической романтики*, романтики ума, а не сердца. Античные философы заняты открытием первооснов. Их философия (Демокрит, Эпикур, Гераклит) наивна, в ней много фантазий и утопий, с точки зрения современного человека. Но в целом она знаменует собой переход от магического к рациональному сознанию, далёкому от *субъективно-романтического* видения мира. Иными словами, в античности романтическое, как потенциально возможное, угадывается, но еле уловимо, поскольку для человека того времени характерен синкретизм духовного и материального.

Средневековые – пестрое, противоречивое и даже где-то бесчеловечное время. Но романтическое смягчало его, помогая сглаживать действительность перенесением в мир фантазий. Формируется *религиозно-романтическое*, которое усиливается, приходя само из неопределённости бытия и насаждаясь. Меланхолические фантазии, тоска о небесном существовании, присущая христианству, узнаваемы как романтическое стремление ко всему бесконечному. Романтическое стремление души в небесное, бесконечное проявляется в готике, поражающей воображение чем-то неестественным, изломанным и устремленным в высокое. В Средневековье явственнее формируется также *онтологически-романтическое*, но появляется и тонкая *рефлексия* над ним.

Возрождение знаменует собой поворот в осознания мира человека и романтического в нём. Произошедший поворот в сторону творческой индивидуальности человека ознаменовал ещё больший расцвет интенций романтического. Романтические мечты и искания философов (Дж.Бруно, Т.Мор, Т.Кампанелла) направлены на выход из существующей действительности в желаемые проекты, пусть даже утопичные. Вместе с образованием науки как социального института формируется *научно-*

романтическое и утопическо-романтическое. В Просвещении с его культом разума менее заметны интенции романтического, тем не менее, философы-материалисты (Т.Гоббс, Б.Спиноза) проявляют интерес к воображению как одной из форм познания и опоры романтического. В их понимании воображение есть *чувственная* способность разума, при помощи которой возможно познание вещей. Таким образом, «доромантический» период возникновения и развития романтического закономерно подготовил своеобразную почву для проявлений романтизма культурно-исторической эпохи конца XVIII первой половины XIX века.

Во **втором параграфе** *«Немецкий романтизм конца XVIII первой половины XIX века – наиболее полное выражение романтического начала»* раскрывается понимание романтизма как «золотого века» романтического. Акцентируется внимание на основных чертах романтического в философии, эстетике немецких романтиков.

В немецком романтизме можно выделить предромантизм. Романтизм и поздний романтизм. Истоком романтизма, то есть предромантизмом, является философия Ж. Руссо, в воззрениях которого уже намечается подчёркивание роли эмоционально-чувственной стороны природы человека. Рождение философии немецкого романтизма связано с именами И. Канта, И. Фихте, во взглядах которых ощущается тенденция к различению сфер человеческого духа, разграничению роли рассудка и воображения в познавательной сфере. Мировоззренческие идеи романтизма сформулированы романтиками «Йенского кружка» (Ф.Новалис, Ф.Шеллинг, братья Шлегели, В.Вакенродер, Л.Тик). Основополагающим в мировоззрении романтиков было понимание человека как самоценной, самодостаточной индивидуальности. Философов интересовали внутренний дискомфорт, метания духа человеческого существа. Необходимо заметить, что индивидуализация субъективности как некоторый характер самоуглубления – важнейшая тенденция «эстетизма» всех романтиков, ибо человек открывает мир через бесконечность собственного Я. В неуспокоенности и неукорененности человека видели романтики величайшие возможности бытия. Воспев свободу духа, они, благодаря *романтической иронии*, сумели возвыситься над собой. Таким образом, выделив первенство духа человека над материальным миром, романтизм дал значительное приращение в понимании сущности романтического, выявил достаточно существенные признаки в объяснении не так просто постижимой, таинственной сути его бытия. Однако романтизм не покрывает всего романтического, которое претерпевало и претерпевает свои метаморфозы.

В третьем параграфе «*Метаморфозы романтического в духовной культуре человека второй половины XIX-XX столетий*» прослеживается сущностная непрерывность линии романтического, рассматриваются особенности его проявления в философии и искусстве, выявляется приращение в его понимании.

Вся духовная культура второй половины XIX-XX вв. отмечена печатью романтизма. Романтические искания не заканчиваются и даже усиливаются, при этом акцент переносится на *иррационально-романтическое*. Философы шаг за шагом продвигаются вглубь романтического, особенно в понимании *фантазии, мечты*, при помощи которых возможно преодоление человеком границ преходящего бытия и расширения экзистенции человека до уровня универсума. В концепции З.Фрейда фантазия рассматривается как импульсы бессознательного в человеке, направленные в желаемое будущее. Благодаря этому романтическое в его глубинной психологии приобретает статус *онтологически существующего*. К.Юнг идёт дальше, говорит о творческой фантазии как о продукте переживаний многочисленных предков. В его толковании фантазий и сновидений романтическое присутствует в предвосхищении чего-либо, забегании вперёд, неосуществлённом желании, причём как архетипическое. По мнению А.Адлера, фантазии и мечты всегда стремятся в будущее с целью создания желаемой действительности. Трактую фантазию как творческую способность психики, он считает, что установить для фантазии и воображения какой-либо предел невозможно.

Прорыв в понимании фантазии как *психически-наличного проявления романтического* произошел в феноменологии Э. Финка, который в работе «Основные феномены человеческого бытия» выделяет фантазию как особую душевную способность человека, существование которой не подлежит сомнению. Исследуя феномены духовного бытия, акцентируя внимание на роли, которую играет фантазия, Э. Финк обозначает её как *общение с возможностями*, представив её во всей полноте проявлений романтического.

Согласно установке философской антропологии М.Шелера, романтическая устремленность к *неопределённому, бесконечному* заложена в самой природе человека, поскольку фантазия не порождается, а дана человеку изначально. В понимании философа, человек как существо романтическое прорывает пределы своего здесь-и-теперь-так-бытия, поскольку протестует против всякой только действительности. Немаловажно, что Шелер увидел и другую сторону романтического, когда начинается романтическое бегство в прошлое, называемое им «тоской по юности и примитивности». Продолжением романтической мысли Шелера о вечном недовольстве действительностью, изначально присущем романтическому

мироощущению человека, явилось понятие «надежда» немецкого философа-утопиолога Э. Блоха. С его точки зрения, проявление надежды в мечтах и иллюзиях концептуально объясняется стремлением человека к потенциально возможному «еще-не-бытию». Заслуга Блоха в том, что он по-новому раскрыл смысл утопии, в основе которой лежит глубочайшая потребность человека мысленно перенестись в «еще-не-существующее». Таким образом, по Блоху, утопия – это состояние человека надеющегося, категория больше психологическая, в основе которой – желание уйти от проблем человеческого бытия. Очевидно – суть романтическая.

Романтическое видение мира проявилось и в *космизме*, определённом миропонимании, основанном на стремлении человека расширить рамки уже познанного, «заглянуть» в неизведанные области мироздания. Подобная установка исходит из неосознанного стремления человека к совершенному, идеальному существованию, в котором он центр бытия. В интерпретации П. Тейяра де Шардена, человек – центр всего, «микрокосмос», вмещающий в себя все потенции космоса. Художники, музыканты, поэты тоже стали увлекаться философскими вопросами мироздания, предлагая их разрешить средствами искусства. С этого не простого, а романтического стремления берут начало идеи *сверхпоэзии*, *сверхживописи*, *сверхмузыки*, *сверхполитики* – своеобразные космические утопии, способные не меньше чем изменить мир.

Романтическое желание человека быть всем и обладать миром отразилось и в стилях искусства. Символизм, модернизм, постмодернизм свободным самовыражением и неограниченным произволом художника обязаны завоеваниям романтизма. Романтик начала XX века конструирует некоторую реальность похоже-непохожую на действительность, находя в кажущейся бессмыслице, а подчас и зауми высший смысл игры. Переименование и перекраивание всего и вся становится нормой художника. Так же было и у романтиков – крайний субъективизм и полная свобода, доходящая до своеволия.

Вторая глава диссертации **«Философско-экзистенциальная сущность романтического»** посвящена неоклассической экспликации романтического, его философско-экзистенциальной сущности.

В первом параграфе *«Романтика, мечта, фантазия и воображение как проявления романтического»* предложено выявление сущностных оснований романтического. Феномен романтического объясняется через соотношение названных явлений духа и уточнение их онтологического и семантического наполнения, без которых невозможно целостное осмысление романтического.

Генезис понятия «романтическое» впервые обнаруживается с середины XVII века со смысловым наполнением «воображаемый», «нереальный», «фантастический». В первоначальном своем значении романтическое отождествлялось с обозначением чего-то причудливого, сказочного, взятого из суждения об отвлеченных, удивительных, лишенных здравого смысла песнях-романсах странствующих поэтов. Семантическая неопределённость и смысловая увертливость романтического неслучайна и связана, по мнению А. В. Михайлова, с его принадлежностью к «терминам движения». Это и побуждает исследователей вновь и вновь искать более «правильные» определения. В данной ситуации становится необходимым понимание философско-экзистенциальной сущности романтического с позиций современного, уже неоклассического мировоззрения, позволяющего рассмотреть явление во всей его целостности и многоаспектности существования в духовной культуре человека. Выявлению сущностных оснований романтического может помочь объяснение семантики понятий: «романтика», «мечта», «фантазия», «воображение», без которых, по нашему мнению, невозможно целостно представить данный феномен.

В отечественных исследованиях романтического выделена категория *романтики* как особой разновидности идейно-эмоциональной направленности творчества (И.Ф. Волков); определённой душевно-эмоциональной настроенности отдельной личности, стремящейся к идеалу и таинственной бесконечности (А.С. Дмитриев); особый термин для обозначения романтического отношения к жизни (Г.Н. Поспелов). На рассмотрении романтического душевного склада человека с позиций эстетической науки настаивает и В.Г. Федотова, которая характеризует его как чувственное восприятие жизни и стремление к красоте. Исследователь совершенно справедливо замечает, что в отличие от прагматического душевного склада человека, романтический душевный склад отличается большей рефлексивностью и мотивационностью чувств.

В *мечте* проецируется желаемая реальность будущего. Изменить действительность и себя в ней, мысленно испытать нечто на себе, хотя бы в мечтах, способен человек, благодаря наличию романтического начала или, по-другому, романтики. Нередко романтику и мечту, соотнося между собой, отождествляют, но их неправомерно употреблять в одном значении. Мечта всегда направлена в будущее, она способна наметить, спланировать осуществление романтических идеалов, выступая своеобразным индикатором духовного бытия человека, показателем наполненности его энергией неприземленного, романтического мироощущения, далекого от всего утилитарного, нужного только с точки зрения пользы и выгоды.

Фантазия как нечто неправдоподобное и придуманное создает проекты, которые могут быть осуществлены или остаться только фантазиями. Ее роль в романтическом двойственна и парадоксальна. Благодаря тому, что иллюзорная реальность воспринимается человеком желанной и потому детерминационно возможной, фантазия придает человеку дополнительные силы и меняет стратегию его поведения, помогая пробираться к смыслу бытия и смыслу своей единственной неповторимой жизни. Обладая высокой степенью свободы, отлета от действительности, фантазия способна конструировать реально несуществующее (фантастическое, утопическое, иллюзорное). Все это позволяет рассматривать её не только на психологическом уровне, но и в более широком философско-культурологическом измерении.

На протяжении жизни человека характер фантазий меняется. Отдельного внимания заслуживает динамика фантазии детей и подростков. То, что для взрослого человека несбыточно, для ребенка кажется вполне реальным, поскольку в своем воображении он создает фантазмы, имеющие своей основой «первофантазии», наследуемые человеком генетически. В фантазиях ребенка отсутствуют границы и может возникнуть синдром патологического фантазирования, при котором перемещение в мир иллюзий сопровождается «уходом в себя», а то и в аутизм. В период юности характер фантазий меняется, они обгоняют настоящее, прокладывая путь в различные варианты будущего. Романтические фантазии, часто нереальные и неосознанные, имеют здесь более конструктивный характер, поскольку в них подросток определяет свое будущее и пути его достижения. Поэтому понятие «романтика» часто ассоциируется с юностью, временем формирования идеалов и ценностей, в котором самые нереальные мечты не воспринимаются за ребячество.

Не вынося однообразия и рутины действительности, человек своим *воображением* способен выдумать несуществующее, желаемое и возможное воплотиться в бытии. Благодаря работе воображения, человек имеет возможность создавать мыслеобразы, никогда не существовавшие в действительности, более того предвосхищать то, чего пока еще не существует. В этом основная предвосхитительная функция воображения и через нее всего романтического. Творчество личности нигде не проявляется ярче, чем в результатах воображения, поскольку проекция романтических устремлений в мыслеобраз невозможна без его активной работы.

Таким образом, можно утверждать, что романтическое является открытой, незамкнутой структурой, трудно объяснимой без взаимосвязи с относительно самостоятельными линиями духовной активности человека в

виде романтики, фантазии, мечты, воображения, поскольку все они характеризуют процессы, не поддающиеся управлению извне, без которых романтическое в духовной реальности человека лишь безжизненная схема, оболочка без реального содержания. Они концентрируют в себе внутреннюю форму романтического. Не являясь ничем из них конкретно, романтическое, тем не менее, становится связующим звеном, обеспечивающим спонтанность, неравновесность проявлений внутреннего бытия человека, его вечного порыва в бесконечность.

Во втором параграфе «Конструктивные и деструктивные функции романтического» выявляются и разрабатываются различные функциональные признаки романтического, наиболее полно эксплицирующие его философско-экзистенциальную сущность. Выяснилось, что романтическое, трансцендируя в бесконечность за пределы реальности, функционально может проявлять свою имманентную сущность по-разному, как конструктивно, так и деструктивно.

Основной конструктивной функцией романтического является функция *компенсаторная*. В функции компенсации романтическое способно *трансформировать* мечты и желания и вывести их на уровень словно уже осуществившейся реальности, *расширяя границы* сконструированного человеческим духом до потенциально возможного или кажущегося возможным. При этом оно выполняет своеобразную позитивную работу, лишая реальность односторонности, деформируя существующее уже по воле человека. Компенсаторная функция романтического может выразиться также и в *мнимом исправлении* наличной действительности, в удовлетворении мечты о том, что не осуществимо и не может сбыться. Освобождаясь от неудовлетворяющей реальности, человек с помощью романтического выходит за её пределы. Примирения с действительностью не происходит, однако ее неприятие замещается романтическим убежением в воображаемый мир детства, культуры или утопии.

Охранительная функция романтического в виде психологической защиты проявляется в убежении от проблем, романтическое здесь позволяет человеку найти утешение в мнимом (мираж, иллюзия) и желаемом (вымысел). В случае, когда психологическая проблема человека решается и имеет кратковременный характер, романтическое может помочь сохранить психическое здоровье. Однако конструктивность данной функции здесь не бесспорна, поскольку граница между здоровьем и нездоровьем психики весьма тонка, вследствие чего вымыслом можно и заиграться, то есть попасть в пределы опасности «сойти с ума», уйти в невменяемое ирреальное состояние. Причем без использования «пси-технологий», а, что называется,

по своей воле. Романтическое в охранительной функции в виде *отвлечения человека от переживания конечности своего существования* способно увести и в религиозную веру.

Романтическое выполняет также *критическую* функцию недовольства и отрицания существующей наличной действительности, порождает революционный настрой, желание всё перекроить, переиначить на свой более красивый и правильный лад. И здесь мы встречаемся с тем, что романтическое в функции критики не имеет определенного предела, поскольку оппозиция реального с идеально-желаемым может выражаться в различных формах, от протеста до революций. Однако конструктивность критической функции бесспорна, поскольку романтическое выявляет то, что в самой жизни отрицает жизнь и прогресс человека и человечества в целом, способствует формированию новых надежд и идей.

Как феномен человеческого бытия, романтическое встречается в *прогностическо-новационной* функции. Здесь оно порождает интерес к гипотетическому будущему, приводит к всплеску проектирования и созидательного конструирования. При этом, устремляясь в отдаленное будущее, созидая в своих фантазиях фундаментальную незавершенность бытия, человек с помощью воображения намечает прообразы будущих достижений. Романтическое в *прогностической* функции направляет предсказания футурологов, существенно расширяя границы еще-не-бытия жадой бесконечного обновления.

Романтическое выполняет также *гуманистическую* функцию. В желании совершенствования бытия и себя в нём до существа благородного и самодостаточного человек, движимый романтическим, в опоре на свои духовные силы, аристократизм духа, культивирует человечность, сострадание, душевность. Романтическое в своей *очеловечивающей* функции расширяет границы свойств, принадлежащих только человеку как живому существу, выводя его на собственно человеческую сущность, делает человека самоцелью и самоценностью бытия, а не средством, декларирует его независимость и свободу выбора.

Гуманистическая функция романтического тесно связана с функцией *эстетической*, питающей идеалами прекрасного, возвышенного, иначе говоря, непрозанческого. В этом плане пафос романтического в провозглашении свободы и ценности личности, на наш взгляд, в лучшем своем выражении фактически равнозначен стремлению ко всему прекрасному и возвышенному, что есть в человеческом существе.

В *нравственной* функции романтическое проявляется наиболее ярко в ориентации человека на *идеалы*, осуществление которых требует храбрости

и благородства в выходе за пределы существующего и привычного. Романтическое в *нравственной* функции выводит человека на новый уровень, при котором наличное бытие и желаемое еще-не-бытие, представляя собой разные векторы, сосуществуют в сознании человека одновременно, хотя и независимо друг от друга. Достаточно вспомнить так называемых диссидентов, чья преданность идеалам, ставящим общечеловеческие ценности выше морали правящего класса, вызывает безмерное уважение и восхищение именно потому, что, зная о малой вероятности изменить в ближайшем будущем наличную действительность, несмотря на неприязнь и гонения, они сумели выстоять и не сломаться духовно. Нравственные принципы, которые не могли быть ими нарушены, поддерживались не иначе как романтической сущностью человека с опорой на общечеловеческие идеалы.

Романтическое, хотя внешне и не бывает «без грусти», по своей онтологической сути глубоко оптимистично, поскольку позволяет человеку питать надежды. *Оптимистическая* функция романтического полнее всего проявляется в ожидании человеком особых событий жизни, обусловленных не предначертанностью и неизбежностью, а скорее надеждой на свои сущностные силы и желанием воплощения замысла наперекор всем обстоятельствам жизни.

Конструктивные функции не исчерпывают всего спектра влияния романтического на бытие, «романтика» со знаком минус «томит душу» человека не в меньшей мере, выполняя при этом *деструктивные* функции. *Антигуманная* функция романтического в крайней своей форме выражается в виде агрессии, отрицании жизни, саморазрушения, которые тоже по-своему романтичны. Она ярко прослеживается в случае некрофилии А. Гитлера, который тоже был своеобразным «романтиком». Подобного рода деструктивная «романтика», не остается в мечтах, тоже претворяется в жизнь вопреки элементарному гуманизму. *Антигуманная* функция романтического выражается также в нарушении чувства реальности и вере в *фальшивые идеалы и идола*. Массы людей, ослепленные пропагандой идеалов фашизма, верили своему кумиру, подготовившему почву стадной мечте. Как показывают факты, в своем возбужденном состоянии романтическое начало, превращаясь в мощную деструктивную энергию духа человека, приводит к фашизму, экстремизму, метафизическому терроризму.

В *утопической* функции романтическое помогает, казалось бы, конструировать образ идеального мира, пока только мыслимого и нереализованного. Романтические мечтания о далеком и *«абсолютно» прекрасном* мире вдохновляют человека на поиск возможности их

осуществления. Однако при этом субъективное, индивидуальное в духе человека, не очерченное культурой, объективными границами макросреды и микросреды, работает таким образом, что способно порождать разнообразные утопии.

Консервативная функция романтического проявляется в воспевании и идеализации всего жизнеспособного в прошлом, как бы возвращая человеку иллюзорный «утраченный рай». Однако при постоянном и неразборчивом недовольстве существующей реальностью, романтическое убежание в прошлое бессмысленно с точки зрения прогресса, не терпящего застоя и неподвижности. Более того, в ситуации, когда романтическое начинает подвергать негативной оценке реальность бытия, тосковать по былому, на наш взгляд, без всякой дифференциации жизнеспособного и архаического в нем, появляются различные социальные течения, которые никак нельзя назвать безобидными. Идеология традиционалистов, увы, тоже по-своему романтична, поскольку представляет собой критику современного мира. Однако традиционализм архаичен, а по своей природе агрессивен.

«Работу» *мистико-умозрительной* функции романтического можно наблюдать в попытке человека выйти за пределы мира. Существует определённая категория людей с романтически-мистическим складом психики. Им не нужна эта *посюсторонняя* реальность, поскольку она подчас действительно не романтична. Неумение жить в реальном мире влечет их в запределье, в котором проявление некоторой таинственной силы компенсирует жажду непостижимого и бесконечного.

Итак, рассматривая романтическое в комплексе духовно-душевно-психических состояний человека, в целостном единстве его внутреннего бытия, мы считаем, что оно дано человеку как «врожденный», а priori генетически наследуемый феномен. Увлекая за пределы существующего и заданного, романтическое может раскрываться множеством своих граней, как позитивных, так и негативных. Провести чёткую границу между ними бывает иногда достаточно сложно, подчас они незаметно переходят друг в друга.

В **третьем параграфе** «*Романтическое в научном и художественном творчестве*» сопоставляются особенности функционирования романтического в творческом процессе, в частности в науке и искусстве. Раскрывается его конструктивно-мотивирующее значение в конструировании нового, ещё не бывшего.

Встречающееся противопоставление научного и художественного творчества, на наш взгляд, здесь несколько надуманно. Романтическое скорее всего объединяет научное и художественное творчество. Но вот в каком

соотношении романтическое человека проявляет себя и детерминационно «работает» в них?

Когда речь заходит о существовании романтического в научном творчестве, поначалу может показаться, что эти два явления не имеют точек соприкосновения, как непересекающиеся параллельные линии. Наука на том и стоит, в ней объективность неизмеримо выше субъективности, она отвечает точными, конкретными утверждениями, устанавливая различие между истиной и ложными суждениями. Тем не менее, в научном творчестве присутствует определенное состояние взлета, та самая свобода человеческого духа, при которой внутренний дискомфорт человека, ищущего, но не находящего покоя, можно назвать *романтическим чувствованием мироздания*. Фаза романтического в научном творчестве присутствует на уровне прогноза-предвидения и интуитивного предчувствия.

В научном творчестве по определению не может быть так или иначе неподготовленных чудес – *романтическое* ученого не имеет ничего общего с пустыми фантазиями мечтателей. В отличие от мечтателя, у которого мечта всегда остается мечтой и не может воплотиться в реальность, ученого можно назвать *действующим романтиком*, он скорее *открывает* реальность. Его романтическое помогает ему в открытии нового, всегда подчиненного научной истине. Романтическое, на наш взгляд, способно порождать в научном творчестве потенциально непредвиденное, незаданное, пока невыразимое, нечто такое, чего не видят другие. Фантазия и доля романтизма ученого служит стимулом и мотивом в преодолении стереотипов, помогает двигать науку вперед.

В отличие от научного, художественное творчество более спонтанно, импровизационно по своей сути. И это, видимо, не случайно, поскольку в художественном творчестве романтические потенции реализуются в особо образном создании мира, синтезирующем в себе черты объективного и субъективного, реального и нереального, общего и индивидуального, индивидуального и интимного. Выбор среди множества возможностей позволяет интерпретировать художественное творчество как неограниченную по возможностям импровизацию. Искусственно создавая определенные конструкции, художник скорее *конструирует* другую возможную реальность. Мысль о том, что художник видит мир через призму своей субъективности, то есть творческой фантазии, объясняет его мироощущение как романтическое. Как точно замечает М.Н. Шеметова¹⁰, в

¹⁰ Шеметова М. Н. Романтическая константа в истории художественной культуры. Дис. ... канд. культ. наук. СПб., 2000. – С. 97.

акте создания произведения искусства есть непосредственное проявление «романтического духа» на уровне эмпирического бытия, и в этом смысле любое произведение искусства уже несет на себе первичный отпечаток романтического.

Итак, научное и художественное творчество, являясь ярким взлетом духа человеческого существа, становится возможным благодаря романтическому мироощущению, без которого созидательное действие творческой фантазии лишено необходимой опоры. Однако в творчестве ученого и художника соотношение субъективного и объективного, осознаваемого и неосознаваемого различно. В науке с её интенцией к осознанной объективности романтическое начало учёного помогает через стремление к невозможному, невоплощенному и/или недовоплощенному достичь возможного. В художественном творчестве все несколько иначе. Здесь субъективное видение художника, не стесненное границами и канонами, позволяет романтическому реализоваться в полной мере.

В четвертом параграфе «Мессианские» формы бытия романтического» выявляются и анализируются проявления романтического, основанные на противопоставлении человека всему окружающему миру. Выделив в романтическом мироощущении приоритетную интенцию духа человека, состоящую в желании мерить всё собою, мы акцентируем своё внимание на таких формах бытия романтического как политический романтизм, идеологический романтизм, религиозный романтизм и романтический национализм. Главным, объединяющим их свойством, является, на наш взгляд, мессианизм, сущность которого заключена в индивидуализме, доведенном до осознания *своей* исключительности в возможности *абсолютного*, максималистского, стопроцентного совершенствования мира и себя в нём.

Политический романтизм. Впервые термин ввёл в политику немецкий правовед и политический теоретик К. Шмитт, написавший книгу с одноименным названием (1919), в которой дал своё определение романтизма, вытекающее из тезиса «о естественной доброте человека». Заслуга Шмитта в том, что он сумел увидеть в области духа человека специфически-романтическое отношение к миру, называемое им романтизмом. После опубликования на страницах Российского журнала фрагмента книги К. Шмитта, тема стала популярной и часто обсуждаемой в рамках научного дискурса. Жаркая дискуссия между сторонниками и противниками политического романтизма в России еще раз подтвердила нашу мысль о том, что онтос романтического проникает в ткань практически любой человеческой деятельности и политика здесь – не исключение.

Благодаря оптимистической функции романтического политик-романтик умело ставит и видит перед собой цели, которые другим кажутся неисполнимыми. При этом он верит в себя и не замечает препятствий. Однако, увлекаясь мессианским желанием *помочь всему человечеству* или *изменить мир*, политик-романтик часто «переключается» на другие, более глобальные проблемы, концентрируется на хаосоподобном состоянии вечного движения в поиске второго, более правильного решения. Таким образом, синкопа на романтическое мироощущение в политике часто не приводит к желаемому изменению и совершенствованию бытия, и даже наносит огромный ущерб обществу.

Идеологический романтизм. Идеология, может показаться, не имеет точек соприкосновения с романтическим. Однако романтическое имеет место быть и в идеологии в своеобразной форме идеологического романтизма. В виде оружия в политической борьбе идеологический романтизм, с одной стороны, воплощает романтические желания в жизнь. Но, с другой стороны, опираясь на политическое оружие – силу, принуждение, насилие, власть, уменьшая свободу выбора, невольно сокращая и гуманистическое наполнение независимости человека, идеологический романтизм способен противостоять жизни, представлять опасность самой жизни. Есть идеалы и идеалы. Шовинизм, экстремизм, метафизический терроризм, религиозный фанатизм, имея мощную «вдохновляющую» романтическую подпитку в виде веры в фальшивые идеалы, являются идеологическими течениями, в которых, к сожалению, романтическое в антигуманной функции заставляет людей совершать действия, направленные против жизни человека.

Искусством воздействия на массы идеологи различных режимов владеют в совершенстве. В ход идут методы манипулирования, массового внушения, демагогии и откровенного обмана. Поддавшись магии обещанных иллюзий, поверив в фальшивые идеалы социальных утопий, человек воспринимает себя хозяином своей судьбы, хотя на самом деле, являясь лишь «винтиком» идеологической системы, он лишается возможности выражения своей индивидуальности, поскольку вынужден подстраиваться под капризы идеологического давления. И в этом тоже романтическое, точнее *псевдоромантическое*, которое, проявляясь, заставляет человека, даже в ущерб себе, ради обещанного, предвзятого прекрасного будущего, терпеть насилие над собой и себе подобными и даже оправдывать его.

Религиозный романтизм. Как форма бытия романтического религиозный романтизм представляет собой своеобразное сложное психологическое явление, в основе которого лежит желание получить психологическую защиту, прежде всего, от страха смерти. Переживание

конечности своего бытия облекается в иллюзорное счастье возможности продлить себя в мироздании или найти готовым, или построить рай уже на земле. Романтическое в религиозной вере облекается в рефлексию *растворения в некотором абсолюте*. В интенции отвлечения человеческого существа от осознания своей конечности-невечности в бесконечности-вечности мироздания романтическое снимает это гнетущее подчас противоречие в религиозной вере.

Романтическое в религиозной вере принимает различные формы, одна из них состоит в демонстрации внешних проявлений религиозности, совершении обрядов, притом что человек не является по-настоящему верующим человеком. С целью получения эмоционального удовлетворения, одобрения со стороны других людей, либо возвышения в собственных глазах человек может подвергать себя каким-либо ограничениям и даже физическим страданиям. Такое поверхностное понимание религиозной веры приводит к потребительскому отношению к религии. Истоки этого вида религиозного романтизма или незрелой религиозности всё те же – желание продлить себя или *быть вечным*.

Романтический национализм. На сегодняшний день уже ясно, что одно дело – национальное объединение, национальная идентификация, национальное освобождение и совсем другое дело – национализм. В нём благородное чувство любви к своему народу перерождается в мессианское поведение, постепенно ограничивающее человека определенными рамками, пределами своего *лишь* этнического мира. Национализм не видит себя ограниченным, не знает границ своей «любви», поскольку в *предельной* любви к «своему» и, в то же время одержимости и нетерпимости к «чужому», проявляется романтическое стремление к *перекраиванию* всего и *вся по своему подобию*. Таким образом, романтический национализм вызывает крайнюю степень нетерпимости и агрессии по отношению к чему-либо вне себя. Однако в романтическом национализме есть и другая, более утонченная мессианская интенция. Она выражается в желании определенной нации воплотить *идею возрождения человечества*, поскольку все другие нации лишены самобытности и поэтому должны подчиниться этой идее. И.Фихте и Ф.Шеллинг, например, видели в этом качестве немецкую нацию. В виде романтической мечты об особой миссии нации мессианизм находит выражение в мистико-религиозной вере. Выражая себя на уровне мистической предопределенности, мессианизм, подчиняя своей идее, может и не отрицать другие национальности. Однако романтический национализм в любом проявлении представляет собой явление негативного порядка,

несвязанное с аристократизмом духа, а наоборот, ведущее человека к регрессу и вырождению.

Итак, будучи субстанцией высшего духовного порядка, романтическое инерционно охватывает и обнимает различные уровни бытия. Являясь онтологически объективным событием духовной культуры, задавая ей тон, вдохновение и нередко ту или иную направленность, романтическое проявляется многообразно, выделяясь по форме бытия в наиболее «жесткие» проявления, такие как политический, идеологический, религиозный романтизм и романтический национализм.

В **заключении** диссертации подводятся итоги и намечаются некоторые перспективы дальнейших исследований.

Основное содержание диссертации нашло отражение в следующих публикациях:

*Публикации в ведущих рецензируемых изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Хабибулина, Л.Ф. Интенции романтического в духовной культуре человека XIX-XX столетий / Л.Ф. Хабибулина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия и социология; культурология – Киров, № 3 (4) 2009. – С. 101-105.
2. Хабибулина, Л.Ф. Сущность романтического в духовной культуре человека: философская интерпретация / Л.Ф. Хабибулина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия, социология и культурология – Челябинск, выпуск 17, № 16 (197) 2010. – С. 24-29.

Публикации в иных изданиях:

3. Хабибулина, Л.Ф. Роль внеаудиторной работы в развитии романтического творческого потенциала студентов / Л.Ф. Хабибулина // **Формы организации внеаудиторной деятельности студентов: Материалы республиканского семинара-практикума.** – Набережные Челны, 2005. – С. 23-24.
4. Хабибулина, Л.Ф. К философскому осмыслению феномена «романтического» в культуре / Л.Ф. Хабибулина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань, 2006, № 4. – С. 4-7.
5. Хабибулина, Л.Ф. Культура мира – идеология развития человека и общества / Л.Ф. Хабибулина // **Культура мира и молодежь в контексте вызовов XXI века: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции.** – Казань: Изд-во ЗАО «Новое знание», 2007. – С. 40-44.

6. Хабибулина, Л.Ф. «Романтическое» науки и религии в условиях глобализации / Л.Ф. Хабибулина // Наука и религия в глобализующемся мире: Сборник статей. – Казань: Изд-во КГУ, 2007. – С. 77-80.
7. Хабибулина, Л.Ф. Интенции романтического в духовной культуре человека периода античности и средневековья / Л.Ф. Хабибулина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань, 2008, № 1. – С. 82-85.
8. Хабибулина, Л.Ф. Романтическое начало индивидуальности и творческий потенциал преподавателя / Л.Ф. Хабибулина // Культура как духовный ресурс развития региона: Материалы международной научной конференции (4 апреля 2008 г.) – М.: «ВИНИТИ», 2008. – С. 476-478.
9. Хабибулина, Л.Ф. Романтическое в механизме научного и художественного творчества / Л.Ф. Хабибулина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань, 2009, № 4. – С. 45-51.
10. Хабибулина, Л.Ф. Феномен романтического в философско-культурологической экспликации / Л.Ф. Хабибулина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2010, № 1 (32) – С. 121-123.
11. Хабибулина, Л.Ф. Романтическое как форма экзистенции человека в современном мире / Л.Ф. Хабибулина // Проблемы развития современного общества: экономика, социология, философия, право: Материалы международной научно-практической конференции (22 марта 2010 г.) – В 5 частях. – Ч.5 – Саратов: ООО «Издательство КУБиК», 2010. – С. 99-100.

Подписано в печать 15.09.2010г.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$ Усл.печ.л. 1,62

Тел: (843) 277-74-99 Тираж 100 экз.

Подготовлено и отпечатано в Инф.-изд. центре «Культура»

Казан. гос. ун-та культуры и искусств.

420059. Республика Татарстан. Оренбургский тракт. 3.